

ФАНТАСОФИЯ

литературный альманах

ФАНТАСОФИЯ

Творческое объединение

Выпуск №4

Шпионский триллер

Коллектив авторов

**Фантасофия. Выпуск
4. Шпионский триллер**

«Автор»

2004

авторов К.

Фантасофия. Выпуск 4. Шпионский триллер / К. авторов —
«Автор», 2004

Четвертый выпуск альманаха «Фантасофия» составлен на основе произведений малой и средней литературных форм – рассказов, повестей и новелл – писателей Республики Башкортостан, работающих в жанре литературы «главного потока».

© авторов К., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Эдуард Байков	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Коллектив авторов Фантасофия. Выпуск 4. Шпионский триллер

© Э. А. Байков, 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эдуард Байков Время собирать

Где-то там, на пороге сознания, заскреблась не прошеным мышонком мысль и слегка удивила, что жизнь его через триста шестьдесят дней перевалит за сороковник. Виктор Муромов усмехнулся. У него и привычки-то такой не было – отмечать свои дни рождения, а тут вот как-то спонтанно получилось, хотя и дата была не круглой. Пришли трое сослуживцев, без жен – он решил устроить мальчишник – и без мундиров – впрочем, они и на службу ходили чаще всего во всем цивильном, так уж у них, разведчиков было заведено. Виктор же, сколько себя помнил, какие только прикиды не примерял – чуть ли не всех стран и народов. Лохмотья клошара¹ и тысячедолларовые смокинги, монашеские рясы и камуфляж – любые тряпки смотрелись на нём как собственная кожа, а однажды даже пришлось наряжаться в дамское платье и изображать из себя трансвестита. И все ради целей, которые ставила перед ним Родина.

Что же сделали с Родиной? Была великая держава, а теперь остались от нее рожки да ножки.

«Советский Союз, – думалось Муромову, – был, как известно, самым крупным государством во всем мире, занимал территорию, равную без малого шестой части всей суши. Причём Россия составляла примерно семьдесят семь процентов площади СССР, а оставшиеся двадцать три – остальные четырнадцать республик, вместе взятых». Помнил он и о том, что по размеру своей территории Россия и сейчас занимает первое место в мире. За нею идут Канада и Китай. США – мировой господин занимает лишь четвертое место в этом ряду, затем следуют Бразилия и Австралия.

Муромов прекрасно осознавал и гордился этим, что ни одна из великих империй прошлого не достигала ТАКИХ границ и ТАКОГО влияния как Советская империя – ни Римская, ни империя Александра Македонского, ни в более далёком прошлом легендарная Атлантида, ни даже обширная Монгольская империя Чингисидов. Единственная в своем роде, уникальная, грандиозная держава с поистине МИРОВЫМ значением, дух и плоть Евразии, наследница арийской Арктиды². А самое главное – преемница Рима и Византии; Третий Рим, принявший знамя истинного духовного Завета Господа Нашего Иисуса Христа – ортодоксального христианства, православия.

«Где же она теперь, моя Родина?! – в отчаянии думал Виктор. – Ее изнасиловали, изгадили и продали грязные ублюдки с нечистыми душами и помрачённым рассудком! Народы и их правители, которые должны были стремиться к России, как к свету Божьему, сияющему во мраке погрязшей в суевериях, с одной стороны, и в грубом культе материи, с другой, мировой цивилизации околдованных зомби и фарисействующих молохов! Они перерубили сук, на котором спокойно сидели до этого, и теперь летят напрямик в ад, куда им всем и суждено было попасть. Но не смейте тянуть нас вслед за собой, нам с вами не по пути, алчные гешефтмахеры Сиона и Уолл-Стрита!»

Вот об этом они и говорили, наполняя рюмки, и по традиции чокались, провозглашая тосты. На мгновение задумывались, а за что пить – за свою нищенскую, жалкую зарплату, или за то, что все идеалы похерены, а патриоты вымерли? Конечно, каждый из их четверки, офицеров одной из самых могущественных спецслужб мира – в свое время даже при слове «КГБ» так не трепетали – любой из них мог бы легко, играючи стать миллионером. И дело

¹ Клошар (франц., сленг) – босяк, «бомж», опустившийся люмпен.

² Арктида – гипотетический материк, располагавшийся в Северном Ледовитом океане и населённый древними ариями; после его гибели часть спасшихся арийских племен расселилась по всей Евразии.

здесь было не только в обладании ценнейшей для противника информацией и опытом, но и из-за статуса, который они имели в этом засекреченном, недоступном для глаз большинства, мире разведок и спецслужб. Статуса, позволявшего им заводить какие угодно знакомства и контакты – деловые, любовные, дружеские – в среде богачей и знаменитостей, в творческой элите, в самых высших эшелонах власти.

Организация, на которую трудился Виктор Муромов в звании полковника, имела внушительное название – Главное Разведывательное Управление Генерального штаба Вооруженных Сил, или просто и коротко – ГРУ.

И вот, решая, за что пить, друзья поднимали рюмки за именинника, за его заслуги перед российским народом и за дальнейшие успехи и удачу во всех начинаниях. Потом пели песни, перебрав, кажется, все какие знали – от советских патриотических до общеизвестных народных. Далеко за полночь гости разошлись, а хозяин остался в одиночестве, пьяно уставившись на заставленный теперь уже пустой посудой стол с пепельницами, доверху наполненными окурками. Виктор так и не заметил момента, когда сон сморил его, успев перед этим добраться до кровати и плюхнуться на нее, не раздеваясь.

Сегодня, спустя двое суток после памятного вечера, он лежал в темноте с открытыми глазами и размышлял о том, сколько уже прожито лет и, если быть честным перед самим собой, то всё впустую. Он не нажил богатства, не приобрел славы и не отыскал счастья. У него даже не было семьи. Издержки профессии – скажете вы и окажетесь... совершенно, не правы. Большинство сотрудников разведок мира, а особенно советских, имели семьи, любили жен и радовались детям. Хотя в виде исключения были и такие плейбои как он – причём обоих полов.

Муромов принадлежал к элитной и очень засекреченной даже в недрах ГРУ категории сотрудников спецотдела, выполняющих особо важные для обороноспособности и безопасности страны задания. Полковник Муромов был на особом счету и как «оперативник-крышевик» не имел себе равных. Под его руководством была особая группа, а перечень его умений мог бы составить целую брошюру, такое пособие для начинающего разведчика. Владел он также навыками спецназовца и диверсанта.

В последнее время их организация слегка поубавила свою мощь и влияние, впрочем, все основные позиции за собой сохранила – потенциал-то был накоплен огромный. Пришлось переориентироваться, меняя направление – теперь всё чаще приходилось работать на своей территории. Тем самым нарушалась основная заповедь любой разведки, в том числе ГРУ и СВР³⁴ (бывшего ПГУ КГБ⁵) – работать только за пределами своей страны, внутренними же «разборками» всегда занималась контрразведка. Теперь враг чувствовал себя вольготно в самой России. Государство было разделено на множество противоборствующих лагерей. Муромов помнил, что такое мы уже проходили во время междоусобицы русских князей, которой успешно пользовались враги с Запада и Востока.

Последнее свое задание, которое Муромов получил, было связано с границей. И проделал он всё, на этот раз в одиночку, без поддержки группы, далеко от родных просторов. После удавшейся акции ему пришлось уносить ноги в таком быстром темпе, как, пожалуй, никогда за всю свою долгую и успешную карьеру оперативника высшего класса. С большим трудом, обрубив все «хвосты», он сумел оторваться от преследовавших его повсюду искусных убийц, работавших на сицилийские мафиозные кланы. Лишь очутившись в Москве, он смог спокойно вздохнуть, убедившись в сохранности своей шкуры.

³ «Оперативник-крышевик» – разведчик, работающий под прикрытием, по линии какой-либо официальной гражданской организации (орган СМИ, МИД и т. д.).

⁴ СВР – Служба Внешней Разведки.

⁵ ПГУ КГБ – Первое Главное Управление Комитета Государственной Безопасности СССР.

На следующий день он взял отпуск на месяц. А ещё через двое суток полковник пересёк тридцать девятый рубеж своей жизни.

Жизнь наша, а вместе с нею и мы, меняется либо медленно и незаметно, по капле в час, либо резким виражом, зигзагом, внезапно раздавшимся громом и блеснувшей во тьме молнией.

В тот день поутру пролил сильный ливень, но к полудню небо очистилось от туч, оставив легкую пелену сплошных облаков, за которыми скрывалось солнце. Муромов, решивший не брать машину со стоянки, шел по мокрым тротуарам и, перепрыгивая лужи, не переставал удивляться, как всё-таки похожи улицы больших городов в любой из стран Европы – сегодняшняя Москва ничем не отличалась от них – и, в то же время, как они различаются своим особым национальным колоритом, историческим духом каждой местности и людьми, которые их населяют.

Вскоре полковник свернул с оживлённой улицы в один из переулков Садового Кольца. Когда проходил мимо старого, довоенной постройки дома, из распахнутого на втором этаже окна донёсся хриплый баритон, под брэнчание гитары распевавший «Поручика Голицына» в собственной интерпретации:

«Сверкание молний, и грома раскаты,
Ну, что загрустили, мой юный корнет?
А в комнатах наших сидят демократы
И девочек наших ведут в кабинет».

Слово «демократы» невидимый исполнитель пропел с нескрываемой ненавистью и презрением.

«Браво!» – мысленно поаплодировал певцу Муромов и в следующую минуту, миновав дворик и арку, очутился в очередном пустынном переулке.

Впереди двигалась одинокая фигура девушки, показавшейся ему со спины очень даже привлекательной. Из подъезда отремонтированного по высшему разряду здания показалась группа мужчин, направляющаяся к похожему на раскормленного бегемота огромному лимузину с работающим двигателем. Намётанным глазом Виктор определил богатого бизнесмена и его трёх телохранителей. Девушка поравнялась с ними, замедлив шаг, пропуская шедших ей наперерез. Один из охранников не спускал с неё глаз, двое других внимательно смотрели по сторонам, не забывая и про окна близлежащих домов.

«Жигули» пятой модели («форсированный движок», – успел отметить про себя Муромов) появились неожиданно для всех, и в ту же секунду из его окон с приспущенными стёклами застрочили автоматы («АКМ и АКСУ», – вновь отметил Муромов) – стрелков было двое, третий из нападавших сидел за рулём. В следующее мгновение полковник, действуя чисто рефлекторно, ушел с линии огня, укрывшись за мусорными баками, стоящими неподалеку.

Наблюдая оттуда, он с ужасом заметил девушку, напуганным зверьком застывшую посреди этой бойни. Вокруг неё свистели пули, а она стояла и не двигалась, обезумев от нереальности происходящего.

«Падай, идиотка!» – в отчаянии крикнул Муромов, решивший было броситься к ней, но тут всё и закончилось.

Киллеры изрешетили очередями бизнесмена и четверых его телохранителей, включая и водителя лимузина. Девушка осталась целой и невредимой, и это было похоже на чудо. Лишь один из охранников прежде, чем его пристрелили, успел выхватить оружие и разок пальнуть. Девушка, наконец, опомнилась и в шоке, выкрикнув что-то гневное, подхватила «пушку»

неудачливого рынды⁶. Зажав пистолет в обеих руках, она неумело прицелилась и нажала на спусковой крючок.

Она стреляла, как выяснилось потом, первый раз в жизни, тем более по движущейся мишени. Но, тем не менее, все три выстрела, которые она успела сделать, достигли цели. Первая пуля чиркнула по переднему крылу, вторая сорвала колпак с заднего колеса, третья разнесла вдребезги заднее стекло автомобиля. Дальше стрелять не имело смысла – машина вильнувшей акулой скрылась за поворотом.

Муромов, тем временем, не упуская картину из виду, позвонил по телефону-автомату в милицию. Сообщив всё, что нужно, в том числе марку и номер машины киллеров, он повесил трубку, протерев её носовым платком. Затем подскочил к девушке, потрясённо взиравшей на окровавленные трупы, без слов забрал у неё «ствол» и так же тщательно обтер его, сунув в руку мертвого владельца.

– Пойдёмте, нам незачем здесь оставаться, – увлек он её за собой, подумав, что в лучшем случае её затаскают по судам да следствиям, а в худшем просто уберут как опасного свидетеля.

– Куда вы меня ведёте? – спустя какое-то время, словно только очнувшись от наваждения, взволнованно спросила она, остановившись и пристально глянув ему в глаза.

– Подальше от головной боли, – серьёзно ответил полковник, скользнув взглядом по её причёске, лицу, фигуре – спереди она оказалась просто очаровашкой. Его интерес не укрылся от девушки, она отвела взгляд.

– А вы смелая, – добавил он, усмехнувшись, – и отчаянная.

– Да, какая к чёрту смелость, – пробормотала она, – просто я до такой степени перепугалась, что разозлилась на этих ублюдков, вот и схватила пистолет. Сама до сих пор не пойму, как решилась на такое.

– Ладно, пойдёмте. Лучше уйти от греха подальше. Извините за любопытство, а вы куда направлялись?

– Да по делам шла, по работе, – пояснила та, – но теперь какие дела, после этой мясорубки.

Она поморщилась, добавив:

– Сейчас неплохо было бы расслабиться с чем-нибудь покрепче и лечь спать.

– А вы это любите? – Виктор слегка приподнял бровь.

– Что? – непонимающе переспросила девушка.

– «Расслабляться».

– Да нет, что вы, – рассмеялась она, – терпеть не могу. Это я так, к слову. Ну, если только чуть-чуть и по значительному поводу – вино там полусухое или шампанское. От остального меня воротит.

– Я восхищен вами. Девушки вашего возраста теперь... – он замялся, подыскивая слова.

– Пьют, что попало, курят, «забивают косячка» и спят со всеми подряд, – нарочито грубовато и откровенно закончила за него она, с вызовом глядя ему в глаза.

– Ну, не совсем так...

– Но, верно по существу.

Муромов быстро глянул на неё и, покачав головой, скорчил смешную гримасу, вызвав в ответ смех.

– А, вы – не такая?

– Не такая, – всё ещё смеясь, ответила девушка, – вообще-то курю, но время от времени бросаю.

– Ну, что ж, в таком случае давайте, познакомимся, что ли для начала?

Он представился.

⁶ Рында (устар.) – на Руси – оруженосец-телохранитель при князе.

– Татьяна, – просто ответила его спутница.

– Тать и Яна, – в шутку пробормотал Виктор.

Девушка лукаво посмотрела на него, смешливо наклонив голову и прищурившись.

– Знаете, а ведь я – журналистка. Доводилось писать и о подобных случаях. Но, чтобы самой участвовать в такой передрыге...

– Журналистка – очень интересно...

– А вы, чем занимаетесь, если не секрет?

– Вообще-то секрет, – серьезно заявил её собеседник, – но вам откроюсь, я – агент национальной безопасности.

Сказал и чуть не рассмеялся, вспомнив шедший по каналу НТВ одноимённый сериал.

– Неужели? – иронично воскликнула она, готовая включиться в игру.

– Шучу, – улыбнулся полковник и, достав удостоверение сотрудника МИДа – любой «грушник» имел подобное для прикрытия – развернул его, показывая спутнице.

Та взяла удостоверение в руки, прочитала – на её лице отразилось удивление.

– Так вы – дипломат? – наивно переспросила она.

– Как видите. Не разочаровал?

Она с интересом смотрела на него, не находя, что ответить.

– Не возражаете, – неожиданно обратился он к ней, – если мы зайдём в бар и выпьем вашего любимого вина?

И так же неожиданно для себя она согласилась.

Когда выходили из бара, обоим показалось, что между ними появилось чувство некоторой близости. Обменявшись телефонами, они расстались. Муромов с грустью возвратился в свою пустую двухкомнатную квартиру на Чистопрудном бульваре. И одиночество показалось ему сейчас особенно острым и тягостным.

Познакомившись с очаровательной журналисткой, Муромов стремительно развивал достигнутый успех, призвав на помощь весь свой опыт и обаяние.

Но перед этим он по своим каналам «пробил» все, какие только могли относиться к ней сведения о личной жизни, учебе, работе, родителях, контактах и прочих несущественных на первый взгляд мелочах. Ничего, что могло бы насторожить опытного разведчика, он не нашел. Перед их конторой и «соседями» девушка была чиста.

После этого он расслабился, посмеявшись над своей профессиональной подозрительностью. Муромов водил ее в лучшие рестораны. Они обошли все музеи, выставки, вернисажи – было заметно, что Татьяне нравится его общество. Порой они просто гуляли вдоль набережной и по аллеям Бульварного кольца, каждому из двоих было интересно мнение собеседника по самым разным вопросам, какие только приходили в голову.

Виктор до этого и не подозревал, что можно так замечательно проводить время с понравившейся женщиной – разве мало было у него раньше связей? Но в том-то и дело, что увлечения эти, мимолетные и ни к чему не обязывающие, не заходили слишком далеко, а, если он чувствовал, что подобное может случиться, то сразу же прерывал все отношения, исчезая из жизни своих временных подруг. Сейчас он совсем не хотел, чтобы их связь оказалась подобной ошибочному телефонному звонку.

Все те годы, что отдал службе в ГРУ, он постоянно пребывал в колоссальном напряжении, не позволяя себе расслабиться и допустить просчет, чреватый провалом и гибелью не только его самого, но и боевых товарищей. Он уже почти свыкся с тем, что как искусный актер все время играет разные роли, вживаясь в те или иные образы и примеряя на себя многочисленные маски. Но все это было **чужим**, не его личной, настоящей сущностью, о которой знал только он, да те несколько посвященных в его работу кураторов с седым ежиком волос и генеральскими звездами на погонах. Даже его престарелые родители и многочисленная родня, проживающая в

Курске, не могли знать, чем конкретно занимается их сын и родственник в рядах Вооруженных Сил.

Раз в год Муромов наезжал к ним погостить на недельку, а то и того меньше. И разве могли они за столь короткое время прочувствовать его характер, понять изменения, произошедшие с ним с тех пор, как еще восемнадцатилетним парнишкой он был призван в армию, да так с того памятного дня отправки эшелонов с призывниками и не вернувшийся больше в родной город.

Дальнейшая судьба определилась его физическими и умственными способностями – два года службы в частях ВДВ, под конец которой сложилось стойкое убеждение остаться в армии. После – учеба в Рязанском высшем воздушно-десантном училище, несколько лет службы офицером в Прикарпатье, затем вновь учеба в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Отсюда его взяли в ГРУ, снова готовили в закрытой спецшколе. После этого обучение закончилось, началась работа.

Работа, о которой до сих пор мало что известно, несмотря на «откровения» предателей и перебежчиков, мемуары отставников и скандальные статьи ушлых журналистов. На самом деле секреты строго охраняются, как в ЦРУ, Моссаде, МИ-6⁷, так и в ГРУ, КГБ, или в какой-либо иной разведке мира. КГБ как такового давно нет, исчезла «Штази»⁸, переродились и перекрасились спецслужбы других стран бывшего соцлагеря. А вот ГРУ как стояло со дня его основания, вырисовываясь грозным неприступным бастионом в тумане геополитического противостояния, так и стоит крепко, по сей день.

Муромову было известно, как и многим настоящим патриотам России, что в КГБ за последние десятилетия просочилось немало враждебно настроенных по отношению к Советскому Союзу кадров, в ГРУ же такого не было никогда.

Вскоре после знакомства с Таней Муромов почувствовал, что Москва становится для них несколько тесноватой. Той любви, что возникла у обоих, притянув в порыве взаимного чувства, требовались иные просторы, смена обстановки, романтический антураж. Подсчитав свои сбережения, полковник удовлетворенно хмыкнул – вполне хватало на поездку вдвоем и двухнедельное проживание где-нибудь на южном курорте. Не долго думая, он выбрал Крым и, посоветовавшись со своей подругой, приобрел билеты на самолет, вылетающий через два дня.

В тот же день, когда Муромов после встречи с Татьяной возвращался домой, во дворе возле подъезда его ждали. Припарковав «восьмерку», он заметил расположившегося на скамейке пожилого мужчину с большой лысиной и добродушным лицом. В руках у пенсионера была сумка, доверху набитая продуктами. И разве мог кто-нибудь из окружающих подумать, что перед ними генерал-«грушник» и непосредственный начальник Муромова.

– Здравствуйте, Николай Степанович, – не выказывая удивления, поприветствовал полковник.

– Здравствуй, Витюша, – тот легко поднялся со скамейки, – в гости вот к тебе собрался. Не прогонишь старика?

– Ну, что вы, – усмехнулся Муромов, – да и потом, разве вас прогонишь?

Генерал рассмеялся.

Не успели войти, гость принялся расставлять бутылки, закуски. Заметив удивленный взгляд хозяина, пояснил:

– Я у тебя вроде как в первый раз, да и отпуск твой следует обмыть.

Подняли рюмки, чокаясь, выпили. Прожевав шпротину, Виктор испытующе посмотрел на шефа:

⁷ ЦРУ – Центральное Разведывательное Управление США. Моссад – внешняя разведка Израиля. Ми-6 – военная разведка Великобритании.

⁸ «Штази» – бывшая служба разведки и госбезопасности ГДР.

– Что-нибудь случилось, Николай Степанович?

– А ты сам не догадываешься? – вопросом на вопрос ответил тот.

– Полагаю, плакал мой отпуск?

– Все правильно, Витюша, твоя проницательность как всегда на высоте. Кстати, ты еще не забыл, как пару недель тому назад убежал от волков?

– Такое забудешь, – усмехнулся Муромов.

– То-то и оно. И на этот раз задание будет не только чрезвычайно важное, но и опасное. Образно говоря, нужно залезть прямиком в пасть тигру. Тебе лучше всех известна обстановка в том регионе. Но... из соображений безопасности мы можем отклонить твою кандидатуру.

– Николай Степанович...

– Ты подожди, Витя, послушай старшего по званию, – остановил его генерал, – сам посуди, кто ты есть на этой земле и сколько у тебя врагов. От страны пребывания, где тебе предстоит выполнять задание, рукой подать до Сицилии, откуда ты еле унес ноги. Это все хорошо, Витюша, твой роман с замечательной девушкой... Только, ты, не подумай, будто мы лезем в твою личную жизнь. Это твое и только твое дело, и дай вам Бог счастья обоим. Но, Виктор, будем говорить прямо – на этот раз придется рисковать не только самому, но и работать в паре со спутницей, так как она послужит твоим прикрытием. А легенда такова: состоятельный мужчина едет со своей невестой на Кипр отдохнуть и развеяться. Ну, что скажешь?

– Я все прекрасно понимаю, – спокойно ответил тот, – только и вы чересчур высокого о них мнения. Им не было известно мое имя, моя точная внешность, национальность – я для них был просто призраком, который появился из мглы и туда же ушел, растаяв. Они могли меня схватить, но не получилось. И сейчас достать меня никак не смогут, даже, если я снова сунусь в их логово. А ведь это – Кипр, где тысячи отдыхающих, туристов со всего света. А, уж сколько там россиян околачивается... Я полагаю, вы преувеличиваете риск. Извините, но это мое мнение. И если вы мне доверяете, я готов выполнить любое ваше задание.

Генерал молча выслушал его, кивнув, поднял рюмку:

– Ну, давай, за правоту твоих слов. Если бы я захотел, то запретил бы тебе. Но я не хочу давить на тебя сейчас. Слишком многое ты вытерпел ради служения Родине. И... Виктор, я рад, что ты принял именно это решение.

Прошло определенное время, которое было потрачено на спецподготовку для выполнения задания. Затем любовники вылетели из столицы. Их ждал солнечный Кипр.

* * *

Божественный остров, на берег которого из волн морских когда-то вышла Афродита. Давно это было, так давно, что никто уже и не помнит, когда. Здесь она, самая прекраснейшая из богинь, проводила счастливые дни со своим любимым Адонисом, столь же ослепительно красивым и совершенным, как и она сама. Забыв о своих братьях и сестрах – небожителях, позабыв о светлом Олимпе, верной спутницей сопровождала она его повсюду. На охоте ль, на отдыхе ли – везде богиня была рядом с ним, а горы, холмы и леса стали свидетелями их любви.

Неразлучны были влюбленные, пока не вмешался в эту идиллию слепой рок. Отнял на охоте жизнь прекрасного юноши свирепый вепрь, свершилось предначертанное мойрами⁹ в отсутствие Афродиты. А, когда узнала о страшном событии, горько рыдая, отправилась искать тело своего смертного мужа. Камни резали ей ноги, колючий терновник рвал кожу, и на месте пролитой крови вырастали прекрасные розы. Нашла она своего суженого, и не было предела

⁹ Мойры – в греческой мифологии богини судьбы: Клото, Лахесис и Атропос. Соответствуют римским паркам. Амалфея (Амальтея) – божественная коза, вскормившая своим молоком младенца Зевса. Ее рог стал источником изобилия, его обладатель мог получить любые дары.

ее горю. Но разве не преодолевает великая любовь все преграды, побеждая даже самую смерть?! Благодаря милости Зевса лишь полгода пребывает Адонис в царстве мертвых, а остальные полгода возвращается в мир наш к своей богине любви.

Прекрасный остров, помнящий поступь многих богов и героев.

Они поселились на берегу моря, в четырехзвездочном отеле «Амальфия», хозяином которого был жизнерадостный коротышка грек, умеющий, к их огромному удивлению, довольно сносно изъясняться по-русски. Оправдывая свое название, отель оказался столь же щедрым на дары природы – ярко сияющее солнце, теплый песок, ласковое море, заросли пальм, пестрые клумбы с экзотическими цветами, горы фруктов и отменная кухня. Море было рядом, стоило лишь спуститься вниз по каменным ступеням, и вот он – пляж. Первые несколько дней они не покидали его, с утра до вечера валяясь на песке, впитывая в себя живительные лучи солнца, барахтаясь в соленых волнах и вдыхая полной грудью влажный воздух, насыщенный неповторимым запахом моря. Вскоре наступило пресыщение. Вдоволь накупавшись и успев покрыться золотистым загаром, они решили перейти к более активному отдыху – вылазкам по окрестностям, осмотру местных достопримечательностей – одним словом, насладиться прелестями туризма по полной программе.

Виктор взял напрокат машину – далеко не самую плохую модель «Фольксвагена». В это время года дожди здесь – явление чрезвычайно редкое, почти всегда стоит ясная, солнечная погода и, если бы не освежающий ветерок с моря, ощущение было бы таким же, как от пребывания в жарко натопленной парилке.

На Кипре к крупным городам – помимо столицы Никосии – можно причислить разве что еще четыре, являющихся одновременно главными портами. Местечко, где они отдыхали, находилось неподалеку от Пафоса, одно название которого¹⁰ уже должно было вызывать у туристов радостное предвкушение отдыха и восторженно-приподнятое настроение. Местным же жителям было глубоко плевать и на название их родного города и на то, что оно навевало. Лишь бы было больше отдыхающих, готовых расстаться с содержимым своих кошельков, поддерживая тем самым местную торговлю и, конечно же, сам туристический бизнес. Экономика острова, носящая аграрный характер, поддерживалась в основном за счет экспорта фруктов, виноделия и туризма. Площадь территории – чуть меньше нашего Онежского озера, а все население свободно разместилось бы в одном из таких городов как Пенза или Саратов.

Со своей спутницей Виктор объездил все окрестности, гоня по удобным, проложенным повсюду трассам. Современные автомобильные дороги, как и предлагающие всевозможные развлечения, рестораны, таверны, ночные клубы и диско-бары – веяния нового времени. Большинство туристов днем либо отдыхали на море, либо осматривали памятники древней и средневековой культуры, вечером же начиналась другая жизнь. Каждое из ночных заведений предлагало какие-то свои, особенные развлечения. В одном вы могли вдоволь насладиться зрелищным кабаре или банальным стриптизом, в другом плясуны-акробаты проделывали различные номера и трюки, в третьем вы сами отплясывали вместе с танцорами традиционный сиртаки¹¹ и пели под караоке и шумные аплодисменты посетителей. Одним словом, везде было весело. Молодежь, в основном, предпочитала резвиться в ночных диско-барах и дансингах, исступленно дергаясь под бесовскую музыку в стиле техно и транс.

Во время своей первой экскурсии Виктор с Татьяной, исколесив вдоль и поперек новый Пафос, отправились затем на восток к мысу Афродиты, где обнаружили выжженные солнцем развалины храма богини. Там же находилась и утопающая в зелени средневековая вилла с музеем. В этот же день они побывали в деревне «Священные сады», где расположена византий-

¹⁰ Пафос (греч.) – страсть, воодушевление, душевно-творческий подъем. Согласно легенде город Пафос назван в честь дочери кипрского царя-скульптора Пигмалиона и его жены Галатеи, изваянной им из мрамора и оживленной.

¹¹ Сиртаки – национальный греческий танец.

ская церковь с великолепными фресками. На каждом углу турки-киприоты торговали восточными сладостями. Полакомившись там рахат-лукумом, путешественники вернулись в Пафос, заехали в гавань и, оставив машину, пешком добрались до старой крепости – военной цитадели, построенной еще в тринадцатом веке. Попастъ в нее можно было только по перекидному мостику.

Все это время их чичероне был Муромов, с увлечением описывающий своей спутнице историю прекрасного острова. Та была приятно удивлена.

– У меня такое ощущение, – целуя его, промолвила девушка, – что ты совсем недавно сдал экзамен по истории и географии Кипра.

– А вот и не угадала, – рассмеялся он, – просто, прежде чем ехать, я основательно подготовился, просмотрев несколько демонстрационных видеокассет по Кипру – их специально подготавливают для русских туристов. Ну, еще кое-какие сведения я почерпнул из специализированных изданий.

– Как все просто, – пробормотала она, – и все же ты у меня умница.

– Стараюсь соответствовать, – улыбнулся он, галантно предложив ей руку.

По всему острову было разбросано немалое количество церквей и базилик¹². В одной из самых больших внимание Виктора привлекла к себе настенная живопись – изображение Христа в золотистых одеяниях, с одухотворенным лицом. Он долго не мог оторвать взгляд от этого величественного и, в то же время, теплого, человеческого портрета Спасителя, поражаясь таланту неизвестного художника, сумевшего передать все шедшее из его сердца.

В то же время Муромов подметил, что лик Христа очень похож на лицо грека. В связи с этим ему вспомнилось, как однажды он по служебным делам заехал в Алма-Ату и, увидев висящие в городе плакаты вождей пролетариата, чуть было не расхохотался – их лица были широкоскулыми, с маленькими глазками – типичные казахи. Наверное, те же китайцы изображают Христа желтолицым, с узкими щелочками глаз.

Подумав так, он отвернулся и, отыскав глазами Таню, рассматривавшую в немом восхищении стенные росписи с сюжетами на тему жития святых, направился к ней в другой конец церкви.

Следующим этапом стало посещение Византийского музея, известного своей большой коллекцией православных икон, собранных со всех окрестностей Пафоса. Это было двухэтажное здание в форме буквы «П», с идущими вдоль всего фасада длинными галереями. В заливаемом солнечным светом дворике были разбиты клумбы с цветами самой разнообразной окраски. Сочная зелень, изумрудные ветви пальм – как это типично для Кипра! Радующий взор пейзаж средиземноморского побережья.

Они ехали мимо раскинувшихся вдоль берега моря банановых плантаций к коралловой лагуне – излюбленному месту отдыха туристов. Пляж с необыкновенно чистым и мелким песком был весь усеян телами отдыхающих. Искушение поваляться на нем после купания было столь велико, что, оставив машину, они мигом скинули одежду, благо купальные принадлежности были на них, и поспешили к кромке воды.

Морские волны лениво омывали прибрежные валуны. На море – лазурном днем, и черном ночью – уже который день держался полный штиль. Виктор в солнечных очках и светлой каскетке полулежал на матрасе, демонстрируя тренированное, мускулистое тело, и благодушно наблюдал за непрерывной игрой солнечных бликов на водной глади. Татьяна, время от времени, поглядывая на него с улыбкой, ровными слоями наносила на кожу крем от загара. Это было похоже на идиллию, на какую-то райскую жизнь, что так разительно отличалось от ситуации в России за последнее десятилетие. Серые российские будни были наполнены каждодневной борьбой за выживание, страхом, алчностью и жестокостью. Они насквозь пропитались

¹² Базилика – основной тип христианского храма, прямоугольное здание, разделенное внутри колоннами на части.

опасностью, кровью и смертью. В них царило безумство отчаявшихся масс и свихнувшихся на вседозволенности выскочек. Эта темная, холодная, сырая и мрачная, но до боли в сердце родная Россия была сейчас где-то там далеко, а они здесь.

Но разве была наша Родина такой доньше – Виктор вспомнил свое детство, юность. Нынче стало выгодно и модно возводить хулу да напраслину на ту великую державу, которую лучшие из лучших элементарно просрали. И кому – русофобам из всемирного масонства, кои есть враги православного христианства, то бишь сатанисты!

Вспоминалось такое: безоблачное небо, сияющее на нем солнце, цветущие луга с порхающими по ним бабочками – душами божьими. А еще врезавшаяся в память картина из раннего детства: широкое поле, полное благоухающих трав – васильков, лютиков, одуванчиков, ромашек... и стрекот кузнечиков. Господи, такая красота, благодать, умиротворение! И, казалось, впереди ждет что-то несказанно радостное, прекрасное, великое – от предвкушения чего сладостно замирало сердце, душа взволнованно трепетала, озаряясь светом преходящим и одновременно предвечным. Вот что всплывало в памяти Муромова о социалистической советской России.

«Беснуйтесь до времени, оглоеды! – сурово думал полковник. – Настанет срок, получите все сполна от Судии Вышнего!»

От Него каждому воздастся – по делам и помыслам его. Предающий отчизну – предает родителей своих, и народ свой, и любовь свою, а самое страшное – душу свою отдает во власть врага рода человеческого. А тот рад-радехонек...

* * *

Мимо них, направляясь к воде и грациозно покачивая при этом бедрами, ожившей богиней прошествовала красивая блондинка со сногшибательными формами. Полковник, не удержавшись, бросил на нее невольный взгляд – длинные стройные ноги, аппетитные ягодички, плоский живот, роскошная грудь. У любого здорового мужика при виде этих ста семидесяти сантиметров лакомой плоти потекли бы слюнки. Вот она – прелесть чар, истинная дочь Лилит! Такие самки призваны искушать добрых христиан – невольно подумалось Виктору. В следующее мгновение он, спохватившись, быстро отвел взгляд, что, впрочем, не укрылось от его спутницы.

– И что это ты там увидел? – иронично поинтересовалась она.

– Да так, – пробормотал тот, – ничего заслуживающего внимания.

– Неужели? – неприятно изумилась Татьяна. – А мне показалось... По-моему вы лжете, господин дипломат!

– О чем ты говоришь, лапушка? – он придвинулся к ней, прильнув губами к ее шее. – Да разве мне еще кто-нибудь нужен?

И, подражая голосам оперных певцов, громко пропел, вызвав ее звонкий смех:

– Кто может сравниться с Татьяной моей?!..

* * *

А сам подумал: где прелесть, там и дьявол – прельщает враг души живые человеческие. Ох, как ловко прельщает всеми соблазнами мира! Ловит на живца: кого на славу, кого на богатство, кого на власть, а кого и на утехы плотские. Умело давит на тщеславие, честолюбие, корысть, алчность да похоть. Сильна власть отца лжи над умом и чувствами. Да только Создатель могущественнее! Посему и власть эта дана лукавому на время. Важно устоять, не соблазниться, не погубить душу бессмертную, но... трудно сие подвижничество – труднее не бывает. Нельзя жить во грехе, но и без того тяжко – отсюда и мощь греховности.

* * *

Когда они, возвращаясь в отель, проезжали Пафос, в глаза им бросилась забавная сценка из повседневной жизни островитян – на площадке летнего кафе официант кормил большущих пеликанов. Экзотическое зрелище настолько понравилось туристам, что, притормозив, они со смехом наблюдали за птицами, пока те не насытились и степенно удалились.

Виктор захватил с собой в поездку фотоаппарат «Никон» – одну из лучших моделей, запаса кучей пленки и без усталости снимал свою подругу повсюду, где они только бывали. Запечатлел он и лакомившихся рыбой пеликанов. Официант, растаяв при виде Тани, даже доверил столь очаровательной особе покормить птиц из своих рук.

– А почему ты не хочешь сфотографироваться сам? – уже в машине, отсмеявшись, с лукавой улыбкой поинтересовалась у него девушка. – Хотя, понимаю – дипломатическая служба, засекреченность и все такое.

– Ну, нечто в этом роде, – ухмыльнувшись, он наклонился и доверительно прошептал ей на ухо, – специфика моей деятельности не позволяет мне рисоваться перед объективом.

– Да-да, все понятно, – скорчив серьезную мину, она согласно покивала головой, вызвав у него смех, и, не удержавшись, расхохоталась сама.

Вдвоем они очень часто смеялись над любой глупостью, по самому незначительному поводу. Много из того, на что раньше каждый из них и не обратил бы внимания, теперь вызывало смех. Это было похоже на какой-то заговор, некое тайное невысказанное вслух соглашение, когда скрытый смысл известен и понятен лишь двоим, а всему остальному миру неведом. Влюбленные люди могут понимать друг друга с полуслова, достаточно любого намека, двусмысленности и даже просто недосказанной фразы.

Очередной вечер они решили провести в городе. Не спеша, поужинав в ресторане, где им были предложены прелести китайской кухни, они отправились в один из ночных клубов, программа которого только началась. В этом клубе Муромов должен был встретиться с разведчиком-нелегалом.

Горластую певицу, исполнявшую на греческом местные шлягеры, сменили энергичные танцоры в национальных костюмах, выделявшие такие коленца и акробатические выкрутасы, что профессиональные циркачи позеленели бы от зависти. Затем загорелые девушки в экзотических одеяниях из каких-то лоскутков, разноцветных перьев и бижутерии исполнили эротический, полный чувственности танец. Создавалось впечатление, что на самом деле они совершенно голые, а вся эта мишура на них лишь подчеркивала прелести гибких юных тел. Спустя какое-то время к ним присоединились не менее стройные загорелые юноши, единственным одеянием которым служил матерчатый гультфик. Необычное стриптиз-шоу закончилось, в конце концов, тем, что молодцы сорвали с прекрасных нимф все лоскутки, за исключением одного, что прикрывал их срам спереди. Разгоряченная публика бешено аплодировала, а в зале к тому часу стало совсем душно, несмотря на работающие в полную силу вентиляторы и кондиционеры. За это время полковник успел навестись в мужской туалет, где его уже ждал нужный человек, передавший необходимые материалы.

Для желающих потанцевать освободили обширную площадку, а на сцену вышла еще одна певица и под аккомпанемент группы музыкантов принялась наяривать нечто похожее на последние европейские и заокеанские поп-хиты. Виктор с Татьяной танцевали до упаду, пока не выдохлись окончательно и уже далеко за полночь, уставшие и довольные, отправились к себе. Добравшись до постели и освободившись от одежды, они свалились без чувств. Немного отлежавшись, не сговариваясь, переплелись в объятиях, окунувшись в любовный омут. Сил хватило и на это.

На следующий день их экскурсионный маршрут несколько изменился. Они отправились на север, в местечко под названием Лара, представлявшее собой побережье с девственными пляжами. Именно там, для находящихся под охраной государства морских черепах был устроен настоящий заповедник. Купаться в этих местах, было категорически запрещено.

Вдоволь налюбовавшись неуклюжими с виду рептилиями, туристы направились дальше на север, где для любителей отдыха на лоне природы были устроены кемпинги. По дороге задержались возле очередной христианской святыни – храма святого Георгия. Изумительная по красоте базилика соседствовала рядом с рыбацкой деревушкой.

Посетив кемпинг и встретив там группу соотечественников, они разговорились с ними и по совету последних поехали дальше в горы, где среди густо поросших зеленью холмов затерялся известный природный родник – купель Афродиты. Согласно легенде богиня любви и красоты совершала в нем свои утренние омовения. Разумеется, среди отдыхающих был «свой» человек, с которым Муромов вошел в контакт. Обмен закодированными сообщениями прошел не замеченный для окружающих.

Им пришлось оставить машину у поворота возле подножия скалистой вершины и дальше продолжить путь пешком, взбираясь по узкой тропке наверх. Проложенная по изрезанной местности тропа коричневой змейкой петляла среди зарослей лесной чащобы. Наконец, они добрались до места. Вокруг не было видно ни одной души, и, если бы не журчание ручейка и пение птиц, это место могло бы показаться пустынным и заброшенным.

– Ты позволишь? – с кокетливой улыбкой обратилась к нему Таня, сбрасывая с себя одежду. – Пока никого нет.

И, спускаясь к источнику, шутливо погрозила пальцем:

– Карауль здесь и не подглядывай.

Держа в руках одежду, он с улыбкой наблюдал за ней. Обнаженная девушка, купающаяся в роднике, была похожа на одну из прекрасных наяд¹³, совершающих омовение в тайном месте, сокрытом от глаз простых смертных. Представшая перед ним бесхитростная картина была настолько чувственной и естественной, что он мгновенно ощутил жар неутолимого желания, вечное влечение самца к избранной самке, заложенный природой в каждом из живых существ могучий инстинкт, древний как сама жизнь. Он в восхищении любовался полосками проникающего сквозь кроны деревьев света на матовой коже юной прелестницы. Движения плавных изгибов ее нагого тела завораживали, заставляли вскипать горячую кровь, кружили голову в хмельном упоении женской красотой.

Вдоволь наплескавшись в прохладной воде, девушка поднялась наверх, наткнувшись на его пристальный взгляд, которым он так и пожирал прелести ее молодого, пышущего здоровьем и свежестью тела.

– Боже, как ты прекрасна! – в восторге прошептал он, приближаясь к ней.

Заклучив свою нимфу в объятия, он осыпал ее градом горячих поцелуев, прижимая к себе все сильнее, чувствуя, как закипает желание. Она запрокинула голову, почти повиснув на его руках, взор ее затуманился, томный вздох вырвался из вздымающейся груди. Какое-то время они двигались в любовном ритме, в иступлении забыв обо всем на свете. И когда волна наслаждения захлестнула их обоих, он на короткое мгновение ощутил полное единение их душ.

Приведя себя в порядок, они медленно двинулись в обратный путь, держась за руки и молча улыбаясь, друг другу.

Тем же вечером Татьяна поинтересовалась у своего друга:

– Поедем сегодня снова в город?

¹³ Наяды – в греческой мифологии нимфы (природные божества) водных источников и водоемов.

– Нет, – он отрицательно покачал головой, – ты помнишь, о чем нам рассказывали в кемпинге? Старинный, заброшенный храм на горе. Хотелось бы его осмотреть. Если ты, конечно, не против.

– Что ты, я только за.

– В таком случае сегодня поужинаем пораньше в отеле. На мой взгляд, кормят здесь не хуже, чем в любом из ресторанов города. Разница лишь в обстановке – здесь гораздо спокойнее...

– И намного скучнее, – с лукавой смешинкой в глазах добавила девушка.

Хмыкнув в ответ, Виктор принялся перезаряжать фотоаппарат. Таня, взяв со столика карту-путеводитель, сосредоточилась на ее изучении.

– Даже, если мы выедем прямо сейчас, засветло, – с сомнением заявила она, – пока доберемся, уже стемнеет. Отсюда до храма около двухсот километров.

– Это, если ехать по прибрежной трассе до Лимасола, а от него к горе с храмом. Посмотри на карту внимательней – там есть еще одна, полузаброшенная горная дорога. Если мы поедем по ней, то сократим путь. Ты только представь – темная ночь, таинственный храм, вокруг ни одной души...

– По-моему, ты, в детстве начитался приключенческих книг, – рассмеялась она, – Стивенсон, Жюль Верн, Конан Дойл...

– Джек Лондон, Фенимор Купер, – весело подхватил Муромов, – ты не подумай, не такие уж мы прожженные насквозь сухари – те, кто занимается внешней политикой.

– А разве я о тебе такого мнения? – Таня прильнула губами к его щеке, затем слегка укусила за мочку уха. – С этим у тебя полный порядок, как и со всем остальным.

С этими словами она просунула руку за отворот рубашки, поглаживая его грудь, живот, постепенно спускаясь все ниже.

– Эй, – он со смехом запротестовал, – мы так не договаривались. Оставим любовь на вечер.

– Вечером мы будем замаливать свои грешки в храме, – прошептала она, скользя ладонью по его бедрам.

Виктор отбросил в сторону фотоаппарат и, скинув одежды, опрокинул подругу на кровать.

* * *

Позже ему пришла в голову мысль, что, шутливо подначивая друг друга, они почему-то вспомнили лишь зарубежных писателей и ни одного отечественного. Конечно, они говорили о классиках беллетристики, и все же... Неужели забыли о наших собственных писателях, авторах приключений и фантастики: Александр Грин, Валентин Катаев, Александр Беляев, Аркадий Гайдар, Алексей Николаевич Толстой, да мало ли было других?.. Не говоря уже о русских гениях – Гоголе, Льве Николаевиче Толстом, Пушкине, Лермонтове, Горьком...

И он был вынужден с горечью признать, что уже с самого детства, самой юности всех нас завлекали яркими сюжетами и манящими мирами литературной реальности иностранных сочинителей, прививали чуждые нам, русским, идеалы и ценности. Да, это – увлекательная, интересная, романтическая и героическая проза, но **не наша**, чужая, заморская, импортная, чужестранная. В этом-то было все дело – в переориентации и искажении сознания сызмальства. Понемногу, капля за каплей подтачивали наши устои – веру, патриотизм, историческую память, национальную гордость, традиции и заповеди. А взамен подсовывали пустышку в блестящей красочной упаковке, виртуальную реальность, несбыточные мечты, фата-моргану в заокеанском исполнении. Над нами ставили опыты, экспериментировали опытнейшие ловцы душ. О, они не торопились, да и куда – впереди вечность. Эра противостояния океана и суши,

торгашества и труда, иллюзий и реальности, пошлости и нравственности, беззакония и справедливости, атлантизма и евразийства, мондиалистов и традиционалистов, космополитов и патриотов. Эра беспрестанной борьбы, перманентной схватки, вечной битвы двух начал, двух Орденов, двух цивилизаций.

Виктор слишком хорошо знал всю подноготную мировой политической и геополитической закулисы, чтобы обманываться на этот счет. В настоящее время мы проигрывали глобалистам – жрецам атлантизма, но даже до **начала** конца было еще далеко.

* * *

Выехали они засветло. И хотя солнце уже клонилось к горизонту, стремясь погрузиться в морскую пучину, все же стояло достаточно высоко, освещая окрестности своими лучами и пронзая ими безоблачное кипрское небо.

Машина неслась по автотрассе, проложенной вдоль побережья. Вскоре справа показался указатель поворота на аэропорт. Увидев его, Муромов лишь прибавил скорость. Они не проехали и километра, когда очень скоро их глазам предстала уходящая влево объездная дорога. Свернув на нее, машина затряслась на кочках и выбоинах. Покрытая остатками растрескавшегося асфальта дорога местами была совсем непригодной для легковых машин, но Виктор гнал по ней, лихо объезжая препятствия, уверенный, что таким образом им удастся значительно сократить расстояние до цели.

Храм располагался на вершине неподалеку от горы Традос – самой высокой точки острова. Для того чтобы достигнуть цели своего путешествия, им необходимо было миновать цепь гор, по которым и пролегла эта сомнительная трасса. До ближайшей горы они добрались сравнительно быстро и безо всяких приключений. Дорога вилась по ее склонам, затем, достигнув пика, начинала спускаться вниз по противоположной стороне, переходя в перешеек между двумя вершинами, по верху которого и пролегал путь.

Муромов уверенной рукой вел послушный ему «Фольксваген», время от времени, справляясь с атласом-путеводителем. Впрочем, на каждом километре им обязательно попадался указатель. Вообще, что их удивляло на Кипре, так это обилие разнообразных дорожных указателей. Заблудиться здесь было очень сложно, при условии, что вы не сойдете с дороги и не углубитесь в труднопроходимые места.

С насыпи, подножие и склоны которой были сплошь усеяны валунами и булыжниками, открывалась чудесная панорама – справа, далеко от них за холмами раскинулось море, а слева – изумительной красоты долина, покрытая разноцветным ковром цветущих трав. Татьяна, во все глаза рассматривающая пейзажи за окном, не успела насладиться этой красотой, как они снова начали взбираться в гору по петляющему серпантину, изобилующему опасными поворотами и коварными спусками. Впрочем, и ее они миновали благополучно, хотя девушке было не по душе то лихачество, с которым, как ей казалось, ее приятель управлял машиной.

Во время спуска их взору предстала еще одна долина, в отличие от предыдущей, выглядевшая мертвой и пустынной. От некогда протекавшей по ней реки осталось лишь высохшее русло, по правую сторону которого раскинулось заброшенное селение. Каменные дома средневекового типа выглядели запустелыми и обветшалыми, часть из них подверглась разрушению временем. Кое-где виднелись более поздние постройки, но и они были брошены людьми. Татьяне, впечатлительной по натуре, представилось, что это мрачное место служит пристанищем вампирам и привидениям, и ночью, при тусклом свете звезд и луны, когда настает их час, нечистая сила вылезает из своих убежищ, чтобы стать полноправными хозяевами этого проклятого места.

Она непроизвольно поежилась, удивляясь своим мрачным мыслям. Впрочем, на самом деле сделалось довольно прохладно, и она поспешила поднять стекло со своей стороны. Постепенно начало темнеть.

Оставив позади эту мертвую долину, они миновали гряду небольших гор. Вскоре перед ними предстала еще одна вершина, которая в сумерках огромным исполином возвышалась перед ними. Дорога, пролегавшая по ее крутым склонам, выглядела опасной и труднопроходимой. На каждом шагу виднелись указатели с тревожными предупреждениями. Таня в тревоге смотрела в окно, и на каждом крутом вираже у нее от страха замирало сердце. Серпантин горной дороги, на всем протяжении, с одной стороны, прилепившейся к отвесной стене, а с другой обрывающейся в пропасть, представлялся ей последней стезей, ведущей в преисподнюю к дьяволу. Виктор, целеустремленный и целиком сосредоточенный на дороге, и не подумал сбавить скорость, заметив, что на землю спускаются сумерки и начинает быстро темнеть, а ехать предстояло еще почти тридцать километров. Понадеявшись на свой опыт вождения и отменную реакцию, он лишь притормаживал на поворотах. Каждый раз, когда они приближались к очередному «слепому» повороту, девушка в страхе сжималась, ожидая увидеть мчавшуюся им навстречу машину. В один из моментов ей показалось, что колеса с ее стороны зависли над пропастью. Наконец, ее нервы не выдержали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.